

РОЛЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В РАЗВИТИИ УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

СИРОТА Е. В.,

Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Рассматривается специфика поэзии Т.Г. Шевченко, выявляются особенности языка поэта на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях: анализируется разговорная основа поэзии Т.Г. Шевченко, в которой органично сливаются песенный фольклор и устное повествование, исследуются экспрессивные синтаксические конструкции, характерные для идиостиля поэта, аргументируется концепция о роли Т.Г. Шевченко в создании литературного украинского языка.

Ключевые слова: *литературный язык, синтаксис, фонетика, морфология, вариативность, синкретизм, эллипсис, диалект, народная речь.*

The essay, examines the role of Taras Shevchenko in the formation of the Ukrainian literary language by carrying out a multiaspect analysis of the language of his lyric works on the lexical, morphological, syntactic and phonetic levels and by revealing the peculiarities of their stylistic structures. The author analyzes the expressive syntactic constructions and traces the influence of folk speech on the Ukrainian literary language. Elements of Old Slavic literary language are found in the poetic text of T. Shevchenko.

Key-words: *literary language, syntactic, phonetics, morphology, variability, syncretism, ellipsis, inversion, dialect, folk speech.*

Общеизвестным является факт, что именно начало XIX века знаменовало возвращение родного языка как инструмента культуры украинскому народу. Социально-политическая обстановка того времени способствовала демократизации общества, развитию образования, прекращению колониальной политики. Идея славянского единства в середине XIX в. сплачивала вокруг себя демократические силы разных народов. Таким образом, антикрепостнический настрой, демократизм, признание полного равноправия всех славянских народов, – это то, что вносила поэзия Тараса Шевченко в развитие общественной мысли своего времени. Идти бок о бок с другими народами – историческая потребность каждой нации и неперемное условие настоящего прогресса в ее духовном творчестве. «Национальная литература никогда не развивалась в одиночестве и в изоляции от других литератур», – справедливо замечает Д. С. Лихачев [1: 192].

Структурный феномен языка поэта прежде всего в том, что он был ориентирован на весь украиноязычный территориальный и исторический простор. В нем, как и в языке Котляревского, лирическая струя слилась с сатирической, но горизонты лирики и сатиры у Шевченко были гораздо шире, чем у любого из его предшественников. Таким образом, предметом постоянного внимания Кобзаря был не просто язык, а прежде всего его содержание в устах народа и народные чувства. Еще одна не менее важная особенность его речи – это то, что в ней при полном доминировании народного разговорного источника нашли должное структурное место и элементы древних славянских литературных языков. Разговорная основа поэзии Т. Шевченко неоспорима. В ней органично слились песенный фольклор и устное повествование. В языке гениального поэта

Украины отражены вполне народная фонетика и морфология в их вариативности, представленная в говорах Среднего Приднепровья. Конечно, из нескольких фонетических вариантов слова или из нескольких однозначных морфологических форм Шевченко выбирал те, которые были ему привычны и которые он слышал не только на родной Звенигородщине. Поездил и походил он по Украине достаточно много, обращал внимание на то, как говорят и в Киеве, и в Полтаве, и на Слобожанщине, и на Полесье, и на Подолье. Побывал и в Екатеринославе, и на острове Хортица. Везде слышал и записывал варианты языковых единиц и воспроизводил их в своей поэзии, по возможности не прибегая к местным словам и формам. Конечно, поскольку украинский литературный язык в это время только создавался, в языке того или иного писателя трудно выделить общелитературные и диалектные элементы. И все же нельзя не заметить, что Шевченко, который хорошо знал фольклор и чувствовал наддиалектность его речи, сделал еще один шаг навстречу тому, что не разъединяет, а объединяет все украинские диалекты, – навстречу выделению их общих черт. Наиболее ярко это проявляется в лексике. Даже те слова, по поводу значения которых до сих пор иногда идут споры, оказываются при расширении круга источников не узкодиалектными, а принадлежащими по крайней мере ряду диалектов. Тараса Шевченко никак нельзя отнести к бытописателям. Тщательный анализ лексики его произведений показывает, что поэт очень мало использует специфически бытовую и сельскохозяйственную лексику, весьма ограниченно вводит слова для обозначения растительного и животного мира. Те же из них, что все же вошли в лексикон произведений Шевченко, в большинстве случаев не имеют прямых номинативных функций. Чаще названия из сферы растительного и животного мира, сельского хозяйства выступают в составе сравнений: *Залилась дрібними, як горох, сльозами; Ростуть, як капуста на городі; Розвіяла, мов ту полову; Збиралися кардинали, Гладкі та червоні, Мов бугаї в загороду; Заснули, мов свиня в калюжі; І вороги нові Розкрадають, як овець, нас І жемуть!..; Дивлюсь: неначе ті ягнята ідуть задрипані дівчата; Мов собаки коло возню кругом ченці стали; Кардинали, як гадюки, В'ються круг тіари, Та нишечком, Мов коти, гризуться За мишеня.* Наряду с прямым сравнением используется и опосредованное: названия человека словом, означающим другое живое существо, при этом, конечно, название должно иметь коннотативный смысл – мелиоративный или пейоративный: *Моя голубко сизокрила! Моя ти ягідко!; Оцей годований кабан! Оце ледацю, щирий пан; Вони брати і християни. А ти собака.* Значительная часть растительно-животной и сельскохозяйственной лексики входит в состав фразеологизмов, используется при описании народных обычаев (например, *тыква* как символ отказа при сватовстве), а потому и используются в качестве связующего звена между народным и индивидуальным творчеством, напр.: *І зорі лічим, гречку сієм; Де побачите, що гарбузи посажені, то так з коренем і виривайте; Купили хрину, треба з'їсти; плачте, очі, хоч повилізьте: бачили, що купували; Ох, старі голови та розумні; химерять-химерять, та й зроблять з лемеша швайку; Може, то така правда, як на вербі груші.* Поскольку слова, применяемые для обозначения реалий окружающего мира, употребляются для сравнения с процессами, происходящими в человеческом обществе (образ жизни, поведение, взаимоотношения, сопровождают

мые различными эмоциями и под.), то они вполне естественно используются в таких тропах, как метафора, аллегория, гипербола и др., напр.: *Заснула Вкраїна... В калюжі, в болоті серце прогноїла І в дупло холодне гадюк напустила; Заснула Вкраїна, Бур'яном укрилась, цвіллю зацвіла; Чуже поле не топтати, а своє орати; Може зорю переліг той, А на перелозі я посию мої сльози; І рудою поливали... / шаблями скородили. Що ж на ниві уродилось?!; Орють лихо, Лихом засівають, А що вродить? побачите, Які будуть жнива!; Понад полем іде, Не покоси кладе – гори; У нас нема Зерна неправди за собою.*

Гнилой Тикич разделяет Звенигородщину на два типа говорков, отличающиеся в области фонетики и морфологии. Однако в фольклоре обоих этих говорков фонетические и морфологические различия во многом нивелируются. Фольклорную традицию нивелирования локальных фонетических особенностей принимает Т. Шевченко. В его поэзии нет ни твердого / р / (типа вечера, гара-че), ни вставного / л / (типа деревляний, соломляний), ни приставного / г / (типа гобидаты, гочерет), ни / к / вместо / т / (кісто < тісто). Но он не специально избегает / в / в новозакрытых слогах (сльоз, радость, невольник), в его произведениях *тойді* преобладает над *тоді*, согласно местному произношению он пишет *зіма*, а не *зима*. Поскольку Кирилловку обошло (г), не пользуется этим звуком и Шевченко. Правда, один раз рядом с *гвалт* он пишет (очевидно, в соответствии с староукраинской традицией) *кгвалт*. Интересно также, что у него замечается смешивания *к* с *г*, а однажды в автобиографии стоит *голега* вместо *колега*.

Фольклор выравняет и различные морфологические формы. Эту фольклорную особенность полностью перенял Шевченко. Не только в его поэзии, но даже и в письмах к близким друзьям не найти ни популярных на Звенигородщине форм типа *ходю, прося, закусяють*, ни смешения падежных форм существительных первого, второго и третьего склонений. Он достаточно последовательно, хотя и не без исключений, принимает окончание *-ю* в творительном падеже единственного числа существительных мягкой и смешанной групп первого склонения (*клубю, зорею/зорюю, землею, душею/душою*) и в дательном, творительном падежах единственного числа существительных мягкой и смешанной групп второго склонения (*зятю, ножом/ножом, гноєм, дощем*).

Синтаксис поэта характеризуется слиянием фольклорного и народно-разговорного начал. Эти две разновидности объединяет ситуативная нерасчлененность, ср.: *Ой вийду я на улицю, аж улиця тісна, / Сидить моя женишина гордая та пишна*. Между первым и третьим предложением существует условно-временная связь, а второго предложения – *Аж улиця тісна* — могло бы и не быть, но тогда потерялась бы образность: улица кажется девушке тесной потому, что на ней сидит ее «женишина *гордая та пишна*». Ситуативная синтаксическая нерасчлененность устраняется, если отдельные предикативные группы связывать между собой соответствующими союзами, но тогда исчезает непосредственность восприятия: *Я була дома, [але] боялася вийти, [бо] Судять же нас воріженьки, ще й будуть судити*. Наличие такого синтаксического синкретизма, в котором в начальной стадии развития находятся и сочинение, и подчинение, вовсе не означает, что народный разговорный и фольклор-

ный синтаксис не имеют средств выражения паратактических и гипотактических связей: в нем передаются все те отношения, которые представлены в синтаксисе развитого литературного языка, но средства этой передачи часто экономятся. Например, союз *що* употребляется: в предложении с определительным придаточным: *Чи не того ж то коничок ірже, що я вірно кохаю*; в предложении с придаточным изъяснительным: *Чую я серед людей, Що мій милий не повернется*; в предложении с придаточным причины: *Тим я її не займаю, що сватати маю*; в предложении с придаточным следствия: *Гирод велми засмутився, Що Христос-цар народився*.

Конечно, в поэзии Т. Шевченко если и есть элементы синтаксического синкретизма, то они принадлежат к исключениям: употребляются преимущественно тогда, когда в произведение полностью переносится определенный фольклорный компонент, как, например, заклинание из русального верования, приведенное в «Причинній»: *Не мий ноги об ногу, / Не сій муки над діжу, / Ух, ух, / Пограймось, погуляймо / Та пісеньку заспіваймо: / «Ух! Ух! / Солом'яний дух, дух! / Мене мати уродила, / Нехрищене положила. / Солом'яний дух! дух! / Мене мати породила / Нехрищену положила»*. [4: 302] В фольклорном синтаксисе есть свои специфические фигуры, которые Т. Шевченко использует. Одна из них – это причастия, которые завершают собой оборот, ср.: *Ой заржи, заржи, вороний коню, під круту гору йдучи, – Заговорили щось погане За гробом люди ідучи*. Далее следует отметить употребление союза *та* не в значении присоединительного, а как такого, что объединяет два и более сказуемых: *Наберу я хмелю повну жменю Та посію над водою – На розпутті кобзар сидить та на кобзі грає*. Один из выразительных фольклорных признаков – повтор: *Козак звичай знає, він рано вставає, Та він рано вставає, ярмо накладає – І про неї добрим людям Кобзарі співають, Все співають, як діялось*. Из народной речи поэт широко вводит в литературный язык эллиптические конструкции. Одна из самых распространенных форм эллиптичности у Шевченко – это опущение подлежащего. Пропуск подлежащего нередко сочетается в поэмах и стихах с характерной для поэзии Тараса Шевченко нанизыванием сказуемых, благодаря чему рассказ приобретает особый лаконизм, динамичность и разговорную выразительность. Средством экспрессивного синтаксиса выступают также и глагольные формы, преимущественно употребляемые в функции сказуемого. Для сказуемых характерен один временной план: *«У неділеньку та ранесенько / Сурми-труби вигравали. / В поход у дорогу славні компаніїці / До схід сонечка рушали. / Випроводжала вдова свого сина, / Ту єдиную дитину. / Випроводжала сестра свого брата»* («Хустина»). Эмоциональное напряжение передается несколькими сказуемыми в форме будущего времени совершенного вида: *«Окують царей неситих / В залізній пуга, / І їх, славних, оковами / Ручними окрутують. / І осудять неправедних / Судом своїм правим, / І вівіки стане слава, / Преподобним слава»* («Неофіти»).

Типичным для языка Шевченко является чередование форм разных времен, мотивированное разговорно-повествовательным характером изложения мыслей, чаще – настоящего и будущего совершенного: *«Іде собі наш Ярема, / Нічого не бачить; / Одна думка усміхнеться, / А друга заплаче»* («Гайдама-

ки»). Распространенная в литературном употреблении при жизни Шевченко форма давно прошедшего времени представлена в языке автора лишь в четырнадцати случаях: «*Ой пожали б, якби були / Одностайне стали / Та з фастовським полковником / Гетьмана єдали*» («*Іржавець*»). Одна из выразительных черт экспрессивного синтаксиса Шевченко заключается в употреблении глагольных форм повелительного наклонения, которые часто сопровождаются обращением: «*Та посійся ж не словами, / А розумом, ниво!*» («*Не нарікаю я на Бога*»). Одна из характерных черт идиостиля поэта – большое количество однородных сказуемых. Широкое использование глаголов прошедшего времени и смена временных планов при условии доминанты глаголов прошедшего времени усиливает динамику сюжета в произведениях Шевченко, противоположное условие – замедляет, что объясняется большим количеством глаголов несовершенного вида, выступающих в форме настоящего времени, и совершенного – в форме прошедшего. В поэтическом языке Шевченко много сказуемых, которые по семантике приближаются к фразеологическим единицам: «*А зять пішов у москалі*» («*Москалева криниця*»).

Парадигму повелительного наклонения в предложениях составляют синтетические и аналитические формы. Среди синтетических у Шевченко активны формы второго лица единственного числа, имеющие или флексию *-и*, или нулевое окончание: «*Не плач, Катерино, / Не покажуй людям сльози, / Терпи до загину!*» («*Катерина*»); первого и второго лица множественного числа, которые образуются с помощью окончаний *-імо (-ім)*, *-мо*, *-іть (-іте)*, *-те*: «*Ушкваримо, мій голубе, / Поки не загинем!*» («*Гайдамаки*»). Аналитические формы повелительного наклонения третьего лица единственного и множественного числа, реализующие преимущественно модальность желания, а не приказ и образующиеся сочетанием частицы *хай (нехай)* с различными формами глагола, у Шевченко встречаются редко: «*Нехай собі бенкетують, / Нехай на здоров'я!*» («*Тарасова ніч*»). Повелительное наклонение в стихах Шевченко передает и типичные семантико-стилистические значения и оттенки (простое побуждение, просьбы, мольбы, разрешение, уговоры, оговорки, приказ, шутливое или ироническое побуждение), и контекстуально мотивированные пожелания, наставления: «*Шануйтеся ж, любі, в недобру годину*» («*Катерина*»), одобрение: «*Нехай буде Голий, / Так і пиши!*» («*Гайдамаки*»), проклятие, призыв, привлечение внимания: «*Слухайте ж, дівчата!*» («*Тополя*») и др.

Поэтическому языку Шевченко свойственна типичная для разговорной речи неполная координация форм подлежащего и сказуемого – по форме рода: «*Старшина пузата / Стоїть рядом; сопє, хропє, / Та понадувалось, / Як ін.дики, і на двері / Косо поглядало*» («*Сон – У всякого своя доля*»), по форме числа: «*Кров і дим їх упоїв*» («*Неофіти*»). Вместо подлежащего может выступать местоимение *воно*: «*А у сусіда виростала / У наймах дівчина. / І я... / Воно тойді було дитина*» («*Варнак*»).

Синтаксису Шевченко присуща инверсия, или отклонение структуры предложения от нормативного строя на уровне синтаксической синтагматики. Речь идет о вынесении сказуемого на первое место в предложении и ударную

позицію подлежащего; варьирования позиций членов предложения: «По-важно та тихо / У раннюю пору / На високу гору / Сходилися полковники» («У неділеньку у святую»). Таким образом, Т. Шевченко по праву считается создателем украинского литературного языка, в основе которого лежит народная речь.

Литература

1. Лихачев Д. *Прошлое – будущее*, Москва, 1985.
2. Русанівський В. *Утвердження української літературної мови // Жанри і стилі в історії української літературної мови*, Київ, 1989.
3. Русанівський В. *Історія української літературної мови*, Київ, 2001
4. Шевченко Т. *Кобзар*, Харків, 1996.